

Солома на подворье просохла, и вскоре заглянул староста. Он предложил завтра же помочь достелить кровлю над второй половиной дома, но Фан Цзычэнь, поразмыслив, отказался. Стояло жаркое лето, и дыра в крыше обеспечивала хоть какую-то вентиляцию, спасая от духоты. В случае дождя он всегда мог перебраться в соседнюю комнату — кровать там состояла из нескольких досок, перенести её не составляло труда. Видя такую решимость, Хэ Чжи спорить не стал.

Следующие несколько дней Фан Цзычэнь исправно ходил в город на пристань. Управляющий сообщил, что работы хватит ещё недели на две. Там, где другие грузчики делали одну ходку, молодой человек успевал две, да и шагал он гораздо быстрее. За смену выходило не меньше сотни медных монет. Труд был тяжёлым, но он работал с нескрываемым азартом.

Пока он трудился на пристани, Чжао-гэр с Гуай-цзаем заправляли хозяйством. Участок у старого дома был просторным, с заброшенным пустырём перед самым крыльцом. Договорившись с мужем, юноша на следующий же день одолжил у тётушки Лю мотыгу и, усердно сопя, принялся поднимать целину под огород.

Ему хотелось поскорее посадить овощи. Постоянно собирать дикую зелень в лесу было делом ненадёжным: в деревне все жили впроголодь, и женщины с гэрами каждое утро прочёсывали склоны гор в поисках хоть чего-то съестного. Конкуренция была жёсткой. Сам Цзычэнь дикоросы не жаловал, но когда Чжоу-гэр пару раз приносил овощи со своего огорода, ел их с удовольствием. Домашние овощи и впрямь были куда вкуснее лесной травы.

Расправившись с грядками, Чжао-гэр не сидел без дела: он брал сына и шёл собирать хворост. Его будни были так же наполнены суетой, как и в семье Ма, — работа не кончалась до самого заката. Но теперь всё было иначе. Теперь он трудился не на чужих людей, а на себя. У него появился свой дом, и каждый его шаг был ради собственного будущего, ради Гуай-цзая и Фан Цзычэня. Эти труды больше не казались напрасными.

***

Вечером Цзычэнь задержался дольше обычного и снова увидел Чжао-гэра у въезда в деревню. На сердце стало тепло, хотя он и почувствовал лёгкий укол беспокойства.

Супруг был немногословен и не умел красиво говорить, да и люди в эти времена отличались сдержанностью, редко выставляя чувства напоказ. Они не произносили вслух «я тебя люблю», но в каждом их жесте, в каждом поступке эта привязанность проявлялась сполна. Стоило Цзычэню хоть немного припоздниться, как юноша уже стоял у дороги, всматриваясь в сумерки. Поначалу Фан Цзычэнь думал, что тот просто боится его ухода и не находит себе места дома, но со временем понял: Чжао-гэр просто не мог дожидаться встречи. Это была жажда увидеть родного человека, а не страх остаться одному.

Когда совсем стемнело, Чжао-гэр наконец завидел его фигуру и поспешил навстречу.

— Почему ты так поздно сегодня? — тихо спросил он.

Цзычэнь по-дружески приобнял его за плечи. Чжао-гэр на мгновение напрягся, его шея и спина одеревенели от прикосновения, но он тут же расслабился.

— Дома обсудим, — Фан Цзычэнь вдруг нахмурился.

— Что случилось? — встревожился гэр.

— Впредь не смей ждать меня здесь.

Голос его прозвучал неожиданно сурово, почти как упрёк. Чжао-гэру стало больно, он невольно прикусил губу, но тут же почувствовал жаркое дыхание у самого уха.

— Глянь-ка туда, — Цзычэнь понизил голос и указал пальцем в сторону.

На узкой тропинке слева виднелись два тёмных силуэта. Молодой человек заметил их ещё раньше: они шли сюда, но, увидев его, поспешили ретироваться. Это не могло не навести на мысли.

Порой Цзычэнь бывал слишком беспечен. Привыкнув за годы жизни в современном мире к иным нравам, он подсознательно забывал об особенном положении гэров, но для местных жителей всё было иначе. В их глазах гэр был так же беззащитен, как и женщина. А Чжао-гэр стоял здесь один, в полной темноте, вдали от жилых домов. Случись что — никто бы и крика не услышал.

Юноша разглядел удаляющиеся фигуры, и лицо его мгновенно осунулось. Хоть он видел лишь спины, в деревне по одной походке и очертаниям несложно было угадать, кто перед тобой.

Это были Хэ Эргоу и Лю Лайцзы.

Две главные язвы деревни Сяохэ. Эти двое промышляли мелким воровством, обожали донимать женщин и гэров скабрёзными шуточками, а за душой у них не было ни гроша. Обоим перевалило за двадцать, но семьи они так и не завели, зато славились тем, что воровали с заборов чужие нагрудники. Чжао-гэр несколько раз сталкивался с ними: те преграждали ему путь, распускали руки и осыпали грязными ругательствами. От одних воспоминаний его до сих пор тошнило.

— Тьфу, пропади он пропадом, — Лю Лайцзы обернулся в сторону Цзычэня, и взгляд его был полон яда. — Несколько дней его караулили, а он взял и припёрся именно сейчас. Проклятье!

— И не говори, — Хэ Эргоу вертел в руках грязный платок. — Зря только восемь монет на

сонное зелье потратил.

— А может, просто вломимся к ним ночью? — предложил Лайцзы. — Дом-то на отшибе стоит. Зайдём, огреем этого выскочку чем-нибудь по голове, и Чжао-гэр в наших руках. Делай с ним что хочешь!

От собственных слов негодяй пришёл в такой восторг, что сердце забилось чаще. Его приятель остановился:

— Это... как-то боязно. А ну как он очухается? Думаешь, он нам это спустит?

— Да он пришлый! В деревне ни родни, ни друзей, один как перст. Чего тебе бояться?

— Он Шестого дядю Хэ спас. Если он старосте пожалуется, нам несдобровать!

Лю Лайцзы промолчал, обдумывая слова. Хэ Эргоу продолжил:

— Я не трус, дружище, но нам и впрямь не поздоровится. Тебя тогда в деревне не было, ты и не знаешь, что этот парень — сущий дьявол.

— Это в каком смысле? — Лайцзы недавно сорвал куш и всё это время пропадал в игорных домах города, вернувшись лишь три дня назад, когда деньги закончились. Односельчане его презирали и избегали, так что сплетни до него доходили редко.

— Дерётся он страшно. Только приехал, а уже всех троих братьев Ма отделал. Ма Эрчжу он и вовсе руку сломал.

— Неужто такой сильный?

— Ох, не то слово. Давай-ка лучше другой способ придумаем.

Цзычэнь был на полголовы выше Чжао-гэра. Сейчас он по-прежнему придерживал его за плечо, и в ночных сумерках их близость казалась почти интимной. Лю Лайцзы проводил их взглядом, и в его воображении всплыло лицо юноши — испуганное, покрасневшее от гнева. Внизу живота сладко потянуло.

— Чёрт возьми, я обязан хоть раз поймать этого гэра.

— Хе-хе, я тоже не прочь, — Хэ Эргоу облизнул губы. — Я давно на него зубы точу. В прошлый раз едва подстерёг его, только пару ласковых сказал, а он схватил тесак для хвороста и чуть не зарубил меня. Кто бы мог подумать... С виду такой тихоня, а в гневе — настоящий тигр.

Интересно, в постели он такой же дикий?

***

Вернувшись домой, они уселись в кухне при свете догорающих в очаге дров и принялись за еду. За последнее время Фан Цзычэнь, следуя советам Чжао-гэра, потихоньку обустроивал быт. В доме появилась новая посуда, запасы риса и муки. По его просьбе деревенский плотник изготовил тазы для умывания и несколько табуретов. Всё это стоило копейки — по десять-пятнадцать монет за штуку.

На ужин была простая лапша, приготовленная руками супруга. Всего капля масла и щепотка соли, но Цзычэнь ел с величайшим удовольствием. Гуай-цзай, успевший изрядно проголодаться, уплетал свою порцию так усердно, что едва не зарывался носом в чашку. Лапша была скользкой, и мальчик никак не мог её подцепить, поэтому Фан Цзычэнь взял его чашку и принялся кормить сам.

— Спасибо, отец, — пролепетал малыш.

Чжао-гэру было радостно видеть такую заботу о сыне, но он боялся, что муж совсем выбьется из сил.

— Пусть сам ест, — нахмурился юноша. — Ты и так на пристани весь день трудился.

— Пустяки. Я весь день на работе, вижу его только по вечерам. Нужно же нам когда-то налаживать отношения. Хоть я ему и отчим, но собираюсь стать самым лучшим отчимом на свете.

Чжао-гэр посмотрел на него, и сердце его сжалось от странного чувства. Он принялся задумчиво водить пальцем по краю своей чашки.

— Что такое? — Цзычэнь заметил его взгляд. — Неужели я за сегодня стал ещё краше, и ты не можешь глаз отвести?

— ...

— Да нет, ничего, — юноша покачал головой, проглатывая подступившие слова.

«Неужели ты совсем ничего не помнишь?»

Но фраза так и осталась невысказанной. Фан Цзычэнь был добр к нему, но это была не та доброта, о которой он мечтал. Сейчас было не время для таких разговоров.

— А! — спохватился Цзычэнь. — Принеси-ка корзину, я тут кое-что купил.

Чжао-гэр сходил в главную комнату и принёс короб в кухню. Муж кивком указал внутрь. Заглянув, гэр увидел два аккуратно сложенных отреза.

— Это...

— Ткань на одежду, — пояснил Цзычэнь, продолжая кормить сына. — Сошьёшь мне что-нибудь. Тёмно-синяя — для меня, а та, что цвета индиго, — для тебя и Гуай-цзя.

Юноша осторожно коснулся материи. Полотно было гладким и мягким — куда лучше того старья, что было на нём сейчас. Деревенские обычно носили грубый холст, потому что он был дешёвым, да и тот берегли годами, постоянно ставя латки. Материал, принесённый мужем, выглядел дорогим.

— Сшей сыну и себе, этого хватит, — он бережно уложил отрез обратно. — Мне не нужно.

— Как это не нужно? — Цзычэнь повернулся к нему. Огонь в очаге подсвечивал его лицо тёплым золотистым светом. — У тебя же сменки совсем нет. Я отлично помню: семья Ма выставила тебя ни с чем. Та рубаха, в которой ты спишь, — и та с плеча Чжоу-гэра.

Молодой человек вздохнул и продолжил:

— У меня ведь тоже всего один комплект. Вчера на работе один мужик спросил, моюсь ли я вообще, раз одежду не меняю. Мне со стыда провалиться хотелось... Да чего ты смеёшься! — он шутливо насупился. — Не смейся, я серьёзно говорю. Что это за неуважение к главе семьи?

Чжао-гэр тут же опустил глаза, стараясь скрыть улыбку:

— Прости, продолжай.

Сказано это было настолько буднично и несерьёзно, что Цзычэнь притворился рассерженным. Отвлёкшись, он случайно ткнул палочкой для еды Гуай-цзяю прямо в ноздрю.

— Отец...

— Ох! Сынок, прости, прости! — Цзычэнь в панике принялся вытирать лицо мальчика, запрокидывая ему голову, чтобы проверить, не пострадал ли маленький носик. — Больно? Дай я подую, и всё пройдёт.

Глядя на эту сцену, Чжао-гэр почувствовал, как к глазам подступают слёзы. Он поспешно

отвернулся и часто заморгал, пока жжение не прошло.

***

Позже, когда они легли, Гуай-цзай уснул почти мгновенно. Он весь день провёл на ногах, помогая папе, и сытный ужин окончательно сморил его. Чжао-гэр снова заговорил о ткани, пытаясь убедить Цзычэня вернуть её в лавку. Тот был недоволен: он битый час выбирал эти отрезки, торговался с лавочником до седьмого пота... Хотел сделать приятное, а в ответ — «верни».

Чжао-гэр, потянувшись через спящего ребёнка, нащупал его руку. Цзычэнь фыркнул, но руку не отдернул.

— Ну чего тебе? — буркнул он.

— Злишься? — тихо спросил юноша.

Признаваться в этом было бы верхом малодушия, поэтому Цзычэнь сухо ответил:

— Вовсе нет.

Чжао-гэр прекрасно всё понимал.

— В доме ещё много чего не хватает, — мягко сказал он. — Я просто хотел сэкономить. Но то, что ты подумал об одежде для меня... Мне очень приятно. Правда.

Цзычэнь чувствительно ущипнул его за ладонь. Чжао-гэр тихо шикнул, и только тогда муж сменил гнев на милость.

— Раз купил — значит, шей. У тебя один-единственный комплект, ты его на ночь стираешь, а утром мокрым надеваешь. Сейчас по утрам холодно, туманы стоят, а ты уже несколько раз так делал. Думаешь, я не вижу?

Юноша замер, поражённый такой наблюдательностью.

— У меня глаз как у орла, — продолжал Цзычэнь. — Ничего от меня не скроешь.

Чжао-гэр негромко рассмеялся и признался:

— Но я ведь совсем не умею шить.

В семье Ма ему всегда поручали самую тяжёлую, грязную работу. Шитьё считалось делом лёгким, его доверяли только женщинам, а Чжао-гэра к иголке и близко не подпускали. Учить его, конечно же, никто не собирался.

В комнате повисла тишина. Через минуту Цзычэнь озадаченно моргнул:

— Разве рукоделие — это не обязательный навык для женщин и гэров? Получается, я зря старался?

— Я могу попросить тётушку Лю или Чжоу-гэра помочь, — смущённо пробормотал юноша. — Они отличные мастера.

— Ладно. Всё равно вернуть уже нельзя. Но не слишком ли мы их обременяем?

— Ничего страшного. Тётушка Лю и Чжоу-гэр добрые люди, они часто мне помогали.

— Хорошо, — согласился Цзычэнь. — Раз уж ты у нас заправляешь домом, а я — на внешних рубежах, то тебе и решать.

<http://bllate.org/book/15357/1417025>